

Дейк понимает «дискурс» как коммуникативное событие, которое происходит со слушающим и говорящим в определенном временном, пространственном и другом контексте. Третий подход характеризует дискурс как выражение, принимая во внимание взаимодействие форм и функций.

Анализируя дискурс, выделяют его речевой и коммуникативный аспекты, а также дискурсивность.

Дискурс можно считать одновременно живым процессом общения и общей категорией межличностной интеракции. Это тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, речевой поток, который имеет разные формы выражения (устную, письменную, паралингвистическую), происходит в рамках конкретного канала общения, регулируется стратегиями и тактиками участников. Дискурс — синтез когнитивных, речевых и неречевых факторов, которые определяются конкретным кругом «форм жизни», зависящих от тематики общения, которые в результате образуют различные речевые жанры.

И. С. Урюпин

г. Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА В РЕАЛИЗАЦИИ ТЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ РОССИИ

М. А. Булгаков, воспринятый современным литературоведением исключительно как писатель европейской выучки, воплотил в своих произведениях самые заветные идеи русского национального сознания. Его творчество, вобравшее многосложные духовно-онтологические, религиозно-философские, нравственно-этические искания своего века, было прочно укоренено в народно-национальной культуре, носителем которой была прежде всего его семья, хранительница православных традиций. Художественный мир М. А. Булгакова, сформированный под мощным воздействием русской классической литературы, средоточия духовного богатства русского народа, его многовековой мудрости, насыщен архетипическими ситуациями, реминисценциями, мотивами, образами. Архетипичность выступает не только содержательно-смысловой, когнитивно-понятийной сферой художественного обобщения действительности, но и особой формой *мифомышления* писателя, отразившего в своих произведениях уникальный духовный опыт русского народа, сосредоточенный в архаических первообразах / первосмыслах национального миробытия. Судьба России, ее прошлое и настоящее становятся главной темой творчества Булгакова, обратившегося к глубинным пластам национального сознания, сконцентрированным в *национально-культурных архетипах*, с помощью которых художник постигает сущность происходящих событий.

Эпоха потрясений начала XX века, воспринимавшаяся писателем сквозь призму национального «мифосознания», актуализировала в его творчестве такие архетипические образы, как образ русского бунта и сопутствующие ему образы метели-вьюги, мути-смуты. В рассказе «Вьюга» из «Записок юного

врача», где представлена архетипическая для русской культуры ситуация потери героем дороги в ненастье, Булгаков представил символический образ революционной метели, сметающей метафизический путь России, теряющей свои духовные ориентиры и погружающейся в пучину смуты. В романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных», где концентрированно выражен мотив смуты / мути, Булгаков создает синкретический образ природного (разбушевавшаяся снежная стихия) и человеческого (полчища петлюровцев) бунта, сотрясающего Город и погружающего его в «черный туман» национально-социальной ненависти, причем «черный туман» — это одновременно и объективная реальность, и метафора исторического бытия России. Слово «муть» в славянских языках настолько семантически многогранно, что в равной мере соотносится с «мятежом» и «метелью». Эту причудливую словесно-смысловую игру передал художник в рассказах о Гражданской войне («В ночь на 3-е число», «Налет») и в романе «Белая гвардия», один из эпиграфов к которому, взятый из «Капитанской дочки» Пушкина, аллегорически связывает буран с бунтом. Оба эти образа являются атрибутами древнего архетипа хаоса, противостоящего космосу, воплощением которого становится Дом Турбиных. Гармонии Дома русских интеллигентов угрожает «корявый мужичонков гнев», идущий из непросветленной «утробной» крестьянской массы, вооруженной «великой дубиной». «Дубина» наряду с «иконой» у Булгакова, как и у Бунина, выступает архетипическим проявлением двусоставной природы русского человека — бунтаря и великого святого, разрушителя и созидателя. В «Белой гвардии» «дубина» — символ «бунташного» начала, разжигаемого в народе смутьянами, наподобие Пугачева. Умножая примеры «окаянства» революционных будней, писатель настойчиво проводит мысль о том, что русская революция приобрела отчетливые черты пугачевщины. Пугачев, будучи одним из ключевых персонажей в метаструктуре произведения, присутствует в сценах разгула казаков-самостийников во главе с Торопцом и Козырем-Лешко, в самоуправстве полковника Болботуна, в таинственном Петлюре, образ которого рекуррентен образу Пугачева и несет печать архетипа самозванца, ключевого для отечественной духовно-ментальной семиосферы. В булгаковском Петлюре, примеряющем на себя разные маски, проявляется одно из главных качеств самозванца — способность к лицедейству, ибо самозванство в народной эстетике сродни актерству. Не случайно и власть Петлюры воспринимается горожанами как игра-фарс, жалкая оперетка, бесовское скоморошество. Инфернальный колорит образа Петлюры также прямо связан с самозванством, поскольку самозванец в русской фольклорной традиции — всегда представитель «вывороченного», «изнаночного» мира. Кроме того, согласно мифопоэтическим представлениям славян, самозванец есть не кто иной, как оборотень, часто «перекидывающийся» в волка. «Волчью» сущность Петлюры (и во внешнем облике, и в его поступках) подчеркивает Булгаков. Мотив «волка-оборотня» представлен и в пьесе «Батум», в которой художник демонстрирует генетическую и типологическую близость главного героя — Сталина — образу Пугачева, а следовательно, соотносит его с национальным архетипом самозванца.